

Изъ воспоминаній Евгенія Ивановича Ламанскаго.

(1840—1890 гг.).

XII ¹⁾.

Предположенія объ упроченіи нашей денежной системы.—Записка по этому вопросу Е. И. Ламанскаго.—Составленный министерствомъ финансовъ планъ размѣна кредитныхъ билетовъ — Открытіе размѣна въ маѣ 1862 года, результаты этой операціи и ея прекращеніе въ ноябрѣ 1863 г.—Свиданіе Е. И. Ламанскаго съ М. Х. Рейтерномъ. — Причины неудачи размѣна 1862/3 гг.—Возобновленіе операцій по поддержанію курса кредитнаго рубля.

Разстройство нашего денежнаго обращенія и проистекавшія отсюда тяжелыя послѣдствія для интересовъ какъ государства, такъ и частныхъ лицъ, не могли, конечно, не останавливать на себѣ самага серьезнаго вниманія Государственнаго Банка, къ главнымъ задачамъ котораго отнесено было, между прочимъ, упроченіе денежной кредитной системы. вмѣстѣ съ тѣмъ на правительствѣ и, въ частности, на министрѣ финансовъ лежала обязанность исполнить выраженную еще Императоромъ Николаемъ I въ указѣ 1855 года Высочайшую волю объ изыятіи изъ обращенія временно выпущенныхъ въ періодъ войны кредитныхъ билетовъ.

Еще съ конца 1861 года въ образовавшемся незадолго передъ тѣмъ въ Петербургѣ частномъ кружкѣ нѣкоторыхъ экономистовъ, къ числу которыхъ принадлежали: Рейтернъ, Бутовскій, Вернадскій, Тернеръ, я и другіе, былъ обсуждаемъ вопросъ объ упроченіи нашей денежной системы и о возстановленіи цѣнности кредитнаго рубля. Въ ту пору, когда со времени прекращенія размѣна кредитныхъ билетовъ прошло всего

¹⁾ См. „Русская Старина“, май 1915 г.

нѣсколько лѣтъ, когда кредитный рубль понизился всего лишь на $\frac{1}{6}$ часть своей нарицательной стоимости и не успѣлъ еще сдѣлаться основнымъ измѣрителемъ цѣнъ на внутреннемъ рынкѣ, доведеніе курса бумажнаго рубля до рагі представлялось вообще разрѣшимой задачей. По этому предмету мною была составлена для упомянутаго общества экономистовъ особая записка, въ которой, на-ряду съ разъясненіемъ причинъ разстройства денежной кредитной системы, предлагались радикальныя средства къ ея восстановленію и указывалась возможность приступить къ размѣну при нѣкоторыхъ обезпеченіяхъ со стороны казны за прежніе кредитные билеты и при непремѣнномъ условіи, чтобы всѣ кредитные билеты были замѣнены размѣнными банковыми билетами.

Для достиженія поставленныхъ цѣлей въ запискѣ намѣчалось, прежде всего, изданіе манифеста о прекращеніи навсегда со стороны правительства выпуска кредитныхъ билетовъ и всякихъ другихъ денежныхъ знаковъ со свойствомъ обязательнаго приѣма въ платежи какъ безпроцентныхъ, такъ и процентныхъ. Затѣмъ существовавшіе кредитные билеты, по мысли записки, должны были быть обмѣнены на монету по предъявленіи, съ предоставленіемъ выпуска этихъ билетовъ одному Государственному банку. При этомъ банкъ могъ выпустить свои билеты на всю сумму бумажныхъ денежныхъ знаковъ, какая будетъ извлечена имъ изъ обращенія и, безъ ограниченія суммы, за вносимые въ банкъ слитки золота, серебра и монеты, какъ русской, такъ и иностранной. Для обезпеченія Государственному банку средствъ къ размѣну билетовъ, выпускаемыхъ взамѣнъ нынѣшнихъ кредитныхъ билетовъ до 700 милл. руб., въ его распоряженіе намѣчалось предоставить весь размѣнный фондъ, состоящій въ металлахъ и въ обязательствахъ, погашаемыхъ въ назначенные сроки металломъ, всего на 100 милл. рублей. Остальные 600 милл. руб. кредитныхъ билетовъ предполагалось обезпечить банку слѣдующимъ образомъ: 1) 200 милл. руб. — 5%-ными обязательствами государственной комиссіи погашенія долговъ, записываемыми въ государственную долговую книгу на имя Государственнаго банка и поступающими въ его распоряженіе, 2) 200 милл. руб. — занесеніемъ соотвѣтствующей суммы долгомъ въ государственную долговую книгу въ видѣ займа изъ 1⁰/₀, обращаемаго на постепенное погашеніе билетовъ въ теченіе 100 лѣтъ (по 2 милл. руб. въ годъ) и, наконецъ, 3) остальные 200 милл. руб. — государственными имуществами: лѣ-

сами, оброчными статьями, горными заводами, фабриками и желѣзною дорогою съ предоставленіемъ банку отчужденія самихъ имуществъ, по соглашенію правленія банка съ министромъ финансовъ, которому разрѣшается выкупить эти имущества по цѣнѣ, въ которой они были отданы въ обезпеченіе. По представленіи указанныхъ обезпеченій, Государственному банку вмѣнялось въ обязанность приступить немедленно къ открытію размѣна своихъ билетовъ съ тѣмъ, чтобы, принявъ за исходную точку нынѣ существующій курсъ на золото, банкъ размѣнивалъ свои билеты по постепенно повышающемуся и заранѣе опредѣляемому курсу, дойдя такимъ образомъ до размѣна рубль за рубль. Съ возложеніемъ на государственный банкъ этихъ обязанностей, его предполагалось выдѣлить изъ состава министерства финансовъ и передать въ исключительное и непосредственное вѣдѣніе одного совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій. Начиная же съ 1865 года, а если возможно то и ранѣе, имѣлось въ виду увеличить основной капиталъ банка на 20 милл. рубл., посредствомъ выпуска акцій и такимъ путемъ преобразовать Государственный банкъ въ банкъ общественный, являющійся свободнымъ, подчиненнымъ одному своему уставу и общимъ законамъ, учрежденіемъ, во главѣ котораго стоятъ управляющій, товарищъ и 6 директоровъ изъ акціонеровъ, по назначенію правительства, и такое же число директоровъ по выбору акціонеровъ; прибыли банка должны были раздѣляться между правительствомъ и акціонерами пополамъ.

Записка моя обсуждалась на одномъ изъ собраній нашего маленькаго кружка экономистовъ, которое было назначено у меня. Я помню, что въ тотъ день, когда состоялось чтеніе этой записки, Рейтернъ уже не пришелъ ко мнѣ, такъ какъ около этого времени онъ вступалъ въ управленіе министерствомъ финансовъ.

Изложенныя въ моей запискѣ мысли встрѣтили живое сочувствіе въ средѣ членовъ нашего кружка, а принадлежность къ нему новаго главы министерства финансовъ Рейтерна, одного изъ участниковъ комиссіи 1859 года, выработавшей основныя начала преобразованія нашей банковской системы, вселяли надежду, что предположенія записки найдутъ себѣ и практическое примѣненіе. Надеждѣ этой не суждено, однако, было вполнѣ осуществиться. При всемъ своемъ стремленіи къ упорядоченію денежнаго обращенія, финансовое управленіе все же не рѣшилось пойти на предложенныя въ запискѣ радикальныя мѣры и

ограничилось попыткою возстановить курсъ кредитнаго рубля путемъ одного лишь открытія размѣна безъ проведенія остальныхъ предусмотрѣнныхъ моею запискою коренныхъ мѣропріятій въ области денежнаго обращенія. Для усиленія размѣннаго фонда, министръ финансовъ рѣшился на заключеніе новаго заграничнаго займа, сумма котораго должна была быть привезена въ Россію въ металлѣ. Заемъ этотъ въ размѣрѣ 15 милл. фунт. ст. или около 100 милл. руб., былъ совершенъ, при посредствѣ дома братьевъ Ротшильдъ, въ апрѣлѣ 1862 года специально съ цѣлью упроченія денежной системы и не предназначался ни на государственные расходы, ни на покрытіе бюджетныхъ дефицитовъ. Заручившись этимъ займомъ, министръ финансовъ полагалъ возможнымъ приступить къ дѣйствительному размѣну кредитныхъ билетовъ на звонкую монету. Всѣ кредитные билеты, которые будутъ обмѣнены на золото, рѣшено было предавать уничтоженію, дабы, путемъ сокращенія количества кредитныхъ билетовъ въ обращеніи, привести ихъ достоинство въ соразмѣрность съ звонкою монетою. При этомъ, во избѣжаніе чрезмѣрнаго наплыва въ кассы банка предъявляемыхъ къ размѣну кредитныхъ билетовъ, признано было необходимымъ, согласно указанной въ моей запискѣ системѣ, производить размѣнъ по постепенно повышаемому и заранее объявляемому во всеобщее свѣдѣніе курсу. Система эта воспроизводила собою тотъ способъ, при помощи котораго англійскій банкъ въ началѣ текущаго столѣтія вывелъ свои билеты изъ неразмѣннаго состоянія. Открывая размѣнъ, министръ финансовъ не утѣшалъ себя напрасною надеждою, что будетъ достаточно одного заграничнаго займа для извѣтія всѣхъ выпущенныхъ во время войны кредитныхъ билетовъ и для доведенія цѣны остающихся билетовъ до нарицательной ихъ стоимости, т.-е. до парі. Въ виды его входило, послѣ совершенія перваго займа, найти на иностранныхъ рынкахъ вновь такую же сумму для продолженія предпринятой операціи. Но въ дѣйствительности дѣло получило другой оборотъ.

Производство размѣна начато было 1 мая 1862 года по курсу 5 руб. 70 коп. кред. за полуимперіалъ; съ 1 августа курсъ этотъ повышался до 5 р. 60 к. кред. и къ 1 января 1863 года долженъ былъ дойти до 5 руб. 46 коп. за полуимперіалъ, путемъ послѣдовательнаго повышенія на нѣсколько копѣекъ въ мѣсяць. По той же цѣнѣ, по которой банкъ выдавалъ золото и серебро въ обмѣнъ на кредитные билеты, публикѣ предоставля-

лось право требовать кредитные билеты въ обмѣнъ на приносимое въ банкъ золото и серебро. Но, разумѣется, до тѣхъ поръ, пока кредитные билеты, не пользовались номинальнымъ курсомъ, вторая операція была платонической. Въ первое время требованіе золота по курсу совершалось въ весьма умѣренныхъ размѣрахъ, но въ 1863 году исполненіе размѣна приняло другой видъ. Въмѣсто того, чтобы требовать доставленія всей выручки отъ заключеннаго за границею займа непременно въ звонкой монетѣ, управляющій Государственнымъ банкомъ баронъ Штиглицъ, которому, какъ бывшему банкиру, поручено было непосредственное руководство размѣнною операціею, началъ продавать на Петербургской биржѣ тратты за границу. Последнее обстоятельство не могло бы имѣть, впрочемъ, дурныхъ послѣдствій, если бы всѣ кредитные билеты, на которые выдавались тратты, были бы дѣйствительно уничтожаемы на точномъ основаніи закона, установившаго, что изъ размѣннаго фонда никакая звонкая монета не можетъ уходить иначе, какъ за соотвѣтствующее количество билетовъ, подлежащихъ уничтоженію. Это требованіе не было, однако, вполне соблюдено. Въ 1863 году вспыхнуло, къ несчастью, польское возстаніе. Часть полученныхъ путемъ займа средствъ оказалась израсходованною правительствомъ не для размѣна, а для своихъ надобностей безъ возврата банку соотвѣтствующаго количества кредитныхъ билетовъ. Въ конечномъ результатѣ, изъ общей суммы заключеннаго въ апрѣлѣ 1862 года займа Государственный банкъ получилъ въ свое распоряженіе около 40 милл. руб., а вся остальная выручка этого займа израсходована была на покрытіе бюджетныхъ дефицитовъ, вызванныхъ, главнымъ образомъ, издержками по усмиренію польскаго мятежа. Съ другой стороны, пополненіе размѣннаго фонда посредствомъ новыхъ займовъ сдѣлалось невозможнымъ, такъ какъ волненія въ Польшѣ и въ Западномъ краѣ закрывали доступъ къ новымъ кредитнымъ операціямъ на заграничныхъ денежныхъ рынкахъ. Однако, въ первое время по наступленіи указанныхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, размѣнъ все же продолжался по общанному впередъ курсу, хотя и нельзя было не предвидѣть тогда, что операція эта не будетъ доведена до конца. Стремясь въ точности выполнить свою программу размѣна, банкъ рѣшилъ ускорить срокъ возстановленія цѣнности кредитнаго рубля и въ томъ же 1863 году объявилъ срокъ, когда онъ будетъ размѣнивать кредитные билеты на золото и серебро

по номинальной цѣнѣ. Цѣль банка заключалась въ буквальномъ исполненіи даннаго имъ обѣщанія, но уже въ половинѣ года былъ рѣшенъ вопросъ о прекращеніи операціи размѣна. Съ своей стороны, спекуляція, ясно сознававшая, что политическія условія не позволяютъ банку приступить къ новому займу и продолжать размѣнъ, стала предъявлять значительныя требованія на металлъ. Покойный управляющій банкомъ баронъ Штиглицъ предлагалъ разныя средства для замедленія отлива изъ банка звонкой монеты: выдавали вмѣсто полуимперіаловъ серебряныя рубли, выдавали монеты стараго чекана, которыя были нѣсколько ниже номинальной стоимости, но тѣмъ не мене требованія на золото росли съ каждою минутою.

Наконецъ, въ ноябрѣ 1863 года, министръ финансовъ призывалъ меня къ себѣ и сказалъ мнѣ, что представляется необходимымъ объявить о невозможности продолженія размѣна. Къ этому министръ добавилъ, что онъ ожидаетъ къ себѣ Чевкина, который былъ тогда предсѣдателемъ департамента экономіи Государственнаго Совѣта и игралъ большую роль въ финансовомъ управленіи. Дѣйствительно, во время нашего разговора прибылъ Чевкинъ; я вышелъ изъ кабинета, чтобы оставить министра обсудить этотъ вопросъ вдвоемъ съ Чевкинымъ. Черезъ нѣкоторое время министръ позвалъ меня въ кабинетъ и передалъ мнѣ приказаніе напечатать на слѣдующій же день въ газетахъ, что Государственный банкъ, въ виду невозможности продолжать размѣнъ, прекращаетъ его впредь до новаго распоряженія. Но я тотчасъ же возразилъ, что никогда этого не сдѣлаю и что если министру финансовъ угодно приостановить размѣнъ, то я могу объявить, что *по приказанію министра финансовъ* Государственный банкъ прекращаетъ размѣнъ. Такъ и было исполнено. Разумѣется, послѣдствіемъ прекращенія размѣна явилось сильное паденіе курса кредитнаго рубля, понизившагося къ концу 1863 года съ 398¹/₂ фр. до 356¹/₂ фр. и съ 38 пенсовъ до 34 пенсовъ. Въ конечномъ своемъ результатѣ операція размѣна свелась къ тому, что Государственный банкъ, получивъ на подкрѣпленіе размѣннаго фонда около 40 милл. руб. за счетъ выручки отъ заграничнаго займа, потерялъ изъ своей размѣнной кассы до 80 милл. руб., и на такую же, примѣрно, сумму сократилъ количество находившихся въ обращеніи кредитныхъ билетовъ.

Операція размѣна окончилась вообще неудачно, потому что она не достигла имѣвшейся въ виду конечной цѣли: придти къ

общему денежному размѣну, предусмотрѣнному манифестомъ 1843 года, согласно которому всѣ находящіеся въ обращеніи кредитные билеты должны были быть размѣнены на звонкую монету, по предъявленіи. Но при всемъ томъ, открывъ размѣнъ, правительство исполнило часть принятаго на себя обязательства—изъять изъ обращенія кредитные билеты, выпущенные во время войны. Затѣмъ и самый размѣнъ, несмотря на его неудачу, не далъ убытка для страны, такъ какъ золото размѣннаго фонда служило именно для того, чтобы размѣнивать на него кредитные билеты, которыхъ и было извлечено изъ обращенія на сумму около 80 милл. руб.

По моему мнѣнію, правительство должно было продолжать размѣнъ до конца. Возраженія, которыя дѣлались въ пользу прекращенія размѣна и которыя заключались въ томъ, что измѣнились политическія обстоятельства, что, при тогдашнемъ настроеніи европейскихъ рынковъ, мы не могли рассчитывать на возможность заключенія новыхъ займовъ, я считаю неосновательными. Значительная часть вырученныхъ отъ этихъ займовъ суммъ уходила бы за границу, а слѣдовательно, иностранные банкиры могли бы дать намъ необходимыя деньги на самыхъ легкихъ условіяхъ.

Я не буду подробно разбирать тѣхъ неправильныхъ пріемовъ, которые допускались во время размѣна и не давали надежды на то, что банкъ будетъ продолжать предпринятую операцію. Но долженъ сказать, что правительство слишкомъ рано обнаружило свою несостоятельность и тѣмъ самымъ дало возможность широко развиться спекуляціи. Когда размѣнный фондъ уменьшился до 67 милл. руб., значить потерялъ около 23 милл. руб., не считая той суммы изъ займа, которая была передана банку, всѣ были уже убѣждены, что операція эта не будетъ доведена до конца. Неудача размѣнной операціи подтвердила еще разъ справедливость того мнѣнія, что центральный эмиссионный банкъ долженъ быть частнымъ учрежденіемъ отдѣльнымъ отъ государственнаго казначейства. Въ этомъ случаѣ правительство, конечно, не могло бы запретить ему заключать новые займы, необходимыя для потребностей размѣна. Прекративъ размѣнъ, правительство, по принятой привычкѣ и укоренившемуся предрасудку, продолжало нести крупныя жертвы на поддержку денежнаго курса. Понятно, въ эту пору приняла особенно значительные размѣры дѣятельность иностраннаго отдѣленія Государственнаго банка, который черезъ посредство

барона Штиглица затрачивалъ большія суммы на выдачу траттъ для поддержанія курса, и, наконецъ, наступило время, когда иностранные банкиры, такъ сказать, положили банку предѣлъ въ тѣхъ кредитахъ, которые были ему открываемы. Тогда баронъ Штиглицъ воспользовался правомъ выпуска 4⁰/₀-хъ билетовъ, и было сдѣлано нѣсколько негласныхъ выпусковъ серій этихъ билетовъ, отправленныхъ прямо за границу въ качествѣ залога открываемыхъ намъ кредитовъ. Я былъ противъ такой поддержки денежнаго курса, хорошо сознавая, что всѣ эти поддержки вели къ положительнымъ потерямъ и правительство, имѣвшее своими органами чиновниковъ, всегда встрѣчало болѣе сильныхъ, болѣе опытныхъ банкировъ, которые смѣло могли идти противъ правительственныхъ мѣръ и находили въ нихъ только новыя средства для наживы. Никогда вмѣшательство правительства въ поддержаніе курса не приводило къ хорошимъ результатамъ. И, дѣйствительно, продолжавшаяся у насъ операція искусственнаго поддержанія курса окончилась въ 1867 году значительнымъ убыткомъ для государственнаго казначейства. Когда былъ сведенъ общій счетъ этой операціи, то оказалось, что потери правительства на поддержаніе курса равнялись чуть-ли не 7 милл. руб. Столь очевидное доказательство ложности этой системы не могло не привести управляющаго банкомъ къ сознанію, что онъ ошибся въ своихъ дѣйствіяхъ, и баронъ Штиглицъ счелъ своимъ долгомъ удалиться изъ банка.

Съ оставленіемъ барономъ Штиглицемъ должности управляющаго банкомъ операція поддержанія курса была совершенно закрыта для банка; правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ министръ финансовъ все же поручалъ продажу траттъ Государственному банку, но это не входило въ систему поддержки курса. Покинувъ банкъ, баронъ Штиглицъ былъ назначенъ состоять при министерствѣ финансовъ и уже въ кредитной канцеляріи продолжалъ поддерживать курсъ, но, разумѣется, въ размѣрахъ менѣе значительныхъ. Вообще слабость считать, что должно непремѣнно поддерживать вексельный курсъ, не оставляла барона Штиглица до конца жизни—онъ и умеръ съ этимъ убѣжденіемъ. Да и ни одинъ изъ послѣдующихъ министровъ финансовъ не прекращалъ, въ сущности, этой операціи, производя ее лишь чрезъ посредство частныхъ банковъ: учетно-ссуднаго — при Бунге, международнаго теперь — при Вышнеградскомъ. Мы знаемъ, что всѣ министры финансовъ дѣлали операціи за границей: продавали кредитные билеты, покупали ихъ.

XIII.

Движеніе курса кредитнаго рубля, начиная съ середины 60-хъ годовъ.— Начатая Государственнымъ банкомъ съ 1867 года операція по продажѣ кредитныхъ билетовъ и по покупкѣ золота.— Постепенное въ связи съ этою операціею возрастаніе размѣннаго фонда.— Чрезвычайные выпуски кредитныхъ билетовъ на военныя надобности во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ.— Указъ 1-го января 1881 года о погашеніи выпущенныхъ во время войны кредитныхъ билетовъ и его исполненіе.

Наступившее послѣ неудачной операціи размѣна угнетенное состояніе курса нашего кредитнаго рубля продолжалось до 1865 года, когда курсъ началъ подниматься и въ 1865 году достигъ до 92 коп. зол. за кредитный рубль. Въ 1866 году опять обнаружилия признаки паденія вексельнаго курса, вслѣдствіе политическихъ событій въ Европѣ. Происходившая тогда между Пруссіею и Австріею война лѣтомъ этого года сразу уронила нашъ курсъ, который, такимъ образомъ, колебался по причинамъ, даже независящимъ отъ Россіи, и только потому, что денежное обращеніе наше не находилось въ нормальномъ положеніи. Еще въ мартѣ курсъ на Парижъ былъ 320 сант., а въ маѣ онъ уже понизился до 275 сант. за кредитный рубль; курсъ на Лондонъ за то же время упалъ съ 30 на 26½ пенсовъ. Въ этомъ паденіи безспорно ни Государственный банкъ, ни система, которой онъ слѣдовалъ въ денежномъ обращеніи, нисколько не были виноваты: при наличности неразмѣнныхъ денежныхъ знаковъ курсъ нашъ отражалъ на себѣ всякія политическія замѣшательства, хотя бы они происходили за предѣлами Россіи. Но затѣмъ, въ томъ же 1866 году, вскорѣ послѣ прекращенія войны, курсъ кредитнаго рубля, подъ вліяніемъ хорошаго урожая, усилившаго вывозъ нашего хлѣба за границу, сталъ поправляться и быстро началъ достигать такихъ размѣровъ, которые даже были не желательны въ интересахъ правильнаго теченія торговли. Съ другой стороны усиленная спекуляція на хлѣбъ, оживленіе торговыхъ оборотовъ, обширное желѣзнодорожное строительство—все это требовало большой массы денежныхъ знаковъ.

Наблюдая денежное обращеніе въ другихъ странахъ, нельзя было не видѣть, что размѣры его не остаются постоянными. Сообразно съ потребностями торговли, страна въ извѣстное время нуждается въ большей суммѣ денежныхъ знаковъ; напротивъ того, при уменьшеніи торговыхъ оборотовъ, денежное обращеніе ея сокращается. Между тѣмъ, въ Россіи денежное

обращеніе послѣ перехода своего къ неразмѣнному положенію составляло постоянную величину. Правда, оно могло расширяться вслѣдствіе выпуска ничѣмъ не обеспеченныхъ кредитныхъ билетовъ на нужды государственнаго казначейства, но оно не развилось въ зависимости отъ нуждъ торговли, по мѣрѣ увеличенія требованій на вексельный кредитъ и разныя другія торговыя операціи. Раздававшіяся въ средѣ правящихъ круговъ мнѣнія о томъ, что кредитныхъ билетовъ въ народномъ обращеніи слишкомъ много или, наоборотъ, что ихъ недостаточно, не имѣли прочныхъ основаній. Тѣмъ, которые говорили, что кредитныхъ билетовъ много, предстоялъ очень легкій отвѣтъ: сокращайте ихъ количество путемъ размѣна. Заявлявшимъ же о недостаткѣ кредитныхъ билетовъ можно было также возразить: отчего же существуетъ опасность размѣна; вѣдь, если кредитныхъ билетовъ мало, то они не будутъ представляться къ обмѣну? При такихъ условіяхъ и чтобы не препятствовать здоровому развитію нашего денежнаго обращенія, мнѣ казалось полезнымъ изыскать такой способъ, который давалъ бы возможность правильно судить о томъ, есть ли потребность въ увеличеніи количества кредитныхъ знаковъ въ народномъ обращеніи, или нѣтъ. Съ этою цѣлью, мною возбужденъ былъ вопросъ о разрѣшеніи Государственному банку производить новые выпуски кредитныхъ билетовъ въ обмѣнъ на золото по опредѣленному курсу. Планъ мой былъ очень простъ и сводился къ слѣдующему разсужденію: пока существуетъ потребность въ кредитныхъ билетахъ, за нихъ будутъ приносить золото; какъ только эта потребность будетъ удовлетворена, предъявленіе золота въ банкъ прекратится и дальнѣйшій выпускъ кредитныхъ билетовъ самъ собою остановится. Съ крайнимъ недоумѣніемъ къ этому предложенію, но вмѣстѣ съ тѣмъ не видя въ немъ ничего опаснаго, правительство, т.-е. министерство финансовъ предоставило банку въ 1866 году или въ началѣ 1867 года сдѣлать публикацію о томъ, что онъ покупаетъ полуимперіалы за 5 руб. 98 коп. кредитными. Цѣна эта соответствовала тому курсу, который существовалъ на биржѣ и составлялъ 330—340 сантимовъ за кредитный рубль. Говоря на финансовомъ языкѣ, принятая мѣра, между прочимъ, означала, что банкъ пріостановилъ дальнѣйшее повышеніе курса кредитныхъ знаковъ, потому что если бы курсъ послѣднихъ сталъ повышаться или, другими словами, цѣна полуимперіала начала падать ниже 5 руб. 98 коп., то вмѣсто продажи золота по пониженной цѣнѣ было бы выгодно принести его въ банкъ,

получивъ тамъ по 5 руб. 98 коп. за каждый полуимперіаль. Что же касается пониженія курса вслѣдствіе новаго выпуска кредитныхъ билетовъ, то оно прекращалось само собою. Какъ только цѣна въ 5 рублей 98 копѣекъ за полуимперіаль становилась невыгодною, никто не приносилъ бы болѣе золота въ обмѣнъ на билеты. Сначала мѣра эта была встрѣчена съ нѣкотораго рода недовѣріемъ, даже со стороны самого правительства, которое видѣло въ этомъ только опытъ. Количество поступавшаго въ первое время въ Государственный банкъ золота было сравнительно ничтожно, несмотря на то, что банкъ принималъ въ обмѣнъ на кредитные билеты не только русскія золотыя монеты, но и иностранныя одинаковаго съ русскими достоинства. Но, по мѣрѣ своего продолженія, предпринятая операція съ каждымъ мѣсяцемъ привлекала все большія и большія суммы золота въ кассу банка. Операція эта называлась покупкою золота, но правильнѣе было бы ее именовать продажей кредитныхъ билетовъ. На первыхъ порахъ, приносимое банку золото было обмѣниваемо на кредитные билеты, принадлежащіе оборотной кассѣ банка. Засимъ, по мѣрѣ накопленія золотой монеты въ банкѣ и истощенія кредитныхъ билетовъ въ его оборотной кассѣ, банкъ, пользуясь кореннымъ закономъ 1848 года о выпускѣ кредитныхъ билетовъ, передавалъ накопившееся золото въ размѣнный фондъ и выпускалъ взамѣнъ переданной монеты кредитные билеты рубль за рубль, разницу же въ цѣнѣ, которую платили за золото по сравненію съ номинальною цѣною полуимперіаловъ, перечисляемыхъ въ размѣнный фондъ, банкъ покрывалъ изъ своихъ прибылей. Успѣхъ этой операціи никѣмъ не ожидался за исключеніемъ меня—ея инициатора, который твердо вѣрилъ въ задуманное и осуществлявшееся имъ мѣропріятіе. Благодаря значительному приливу золота въ размѣнный фондъ и при увѣренности правительства, что курсъ можетъ продолжать свое повышеніе, операція продажи кредитныхъ билетовъ укрѣпилась и продолжалась съ успѣхомъ до 1870 года. Разразившаяся въ этомъ году война между Франціей и Германіей не могла не подѣйствовать на пониженіе вексельнаго курса кредитнаго рубля и на естественное прекращеніе указанной операціи, такъ какъ золото перешло назначенную ему при обмѣнѣ на кредитные билеты цѣну. Но вскорѣ, послѣ окончанія войны, курсъ кредитнаго рубля началъ снова подниматься и съ іюня 1871 года, когда возобновились торговыя сношенія съ Франціей, стоялъ въ Петербургѣ: на Парижъ 339—340 сантимовъ и на Лондонъ 31⁷/₈—32 пенса. Затѣмъ, въ послѣду-

ющіе годы, курсъ продолжалъ дальнѣйшее повышеніе, въ виду чего министерство финансовъ признало правильнымъ понизить цѣну на приобретаемое золото по расчету въ 5 р. 76 к. за полуимперіалъ. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что необычайный успѣхъ операціи покупки золота возбудилъ чрезмѣрныя надежды: многіе торопили банкъ въ повышеніи курса возможно ближе къ предѣлу паритета. Этимъ объясняется допущенное тогда, быть можетъ слишкомъ быстрое повышеніе курса, которое не вполне оправдывалось, такъ сказать торговыми обстоятельствами. Тѣмъ не менѣе и при вновь назначенномъ курсѣ золото продолжало поступать въ кассы банка, хотя уже не въ прежнихъ размѣрахъ: курсъ же еще поднялся и держался довольно долго 348—349—345 сантимовъ за кредитный рубль. Размѣнный фондъ банка, составлявшій послѣ прекращенія размѣна въ 1863 году 67 милл. руб., возросъ въ серединѣ 70-хъ годовъ до 231 милл. руб., при чемъ приобретение такой массы золота не стоило правительству ни гроша—оно имѣло только прибыли. Такимъ образомъ, результаты этой операціи широко покрыли ранѣе понесенныя потери, если только называть потерями размѣнную операцію 1862 и 1863 годовъ.

Между тѣмъ, въ 1876 году начались политическія затрудненія въ восточномъ вопросѣ: Сербія была уже охвачена волненіемъ, Россія, не предпринимая еще никакихъ официальныхъ шаговъ, поощряла, однако, броженіе умовъ, отправляла разныя экспедиціи добровольцевъ, собирала пожертвованія въ пользу Балканскихъ славянъ. Словомъ сказать, наступало то время, которое предсказывало непосредственное вмѣшательство нашего правительства въ восточный вопросъ, къ рѣшенію котораго и пришлось приступить въ 1877 году. Располагая огромнымъ золотымъ фондомъ, накопившимся отъ продажи кредитныхъ билетовъ, правительство не рѣшалось, однако, приступить къ правильному размѣну. Съ другой стороны, предвидя необходимость прибѣгнуть къ новымъ выпускамъ кредитныхъ билетовъ на военные расходы и опасаясь сильнаго паденія курса, финансовое управленіе легко поддавалось разнымъ совѣтамъ о желательности допустить продажу накопленнаго банкомъ золота для извлеченія кредитныхъ билетовъ предъ нависшими тучами военныхъ осложненій. Дѣйствительно, съ августа 1876 года въ курсахъ начинается перемѣна къ ухудшенію: съ 331 сантима курсъ доходитъ къ концу года до 300 и въ 1877 году продолжаетъ свое постепенное пониженіе. Въ это время Государственный банкъ, по требованію министра финансовъ, принужденъ

былъ какъ для поддержанія курса, такъ и для нѣкотораго сокращенія кредитныхъ билетовъ, продавать свое золото по торговой, т.-е. по курсовой цѣнѣ. Такимъ образомъ, съ 1876 года банкъ производилъ уже не приобрѣтеніе, а продажу золота съ уничтоженіемъ поступавшихъ въ кассу банка за продаваемое золото кредитныхъ билетовъ. Конечно, подъ вліяніемъ военныхъ обстоятельствъ, золото было вывозимо за границу. Министерство финансовъ было озабочено дать понять своимъ кредиторамъ, что, не смотря на предстоящіе расходы, Россія не прекращаетъ оплачивать золотомъ свои международныя обязательства.

На этой операціи банкъ потерялъ значительную часть своего размѣннаго фонда и вмѣстѣ съ тѣмъ для удовлетворенія чрезвычайныхъ надобностей государственнаго казначейства во время войны долженъ былъ произвести значительные дополнительные выпуски кредитныхъ билетовъ. Однако, выпуски эти по своему характеру существенно отличались отъ выпусковъ прежнихъ ассигнацій. Вся сумма, которую государственное казначейство заимствовало у банка, ставилась на текущій счетъ казначейства и впредь до погашенія сдѣланныхъ позаимствованій лежала, такъ сказать, безрочнымъ на немъ долгомъ. Общій итогъ подобныхъ выпусковъ во время войны и въ первые годы по ея окончаніи превосходилъ 500 милл. руб., но постепенными, по мѣрѣ накопленія государственныхъ доходовъ, погашеніями части долга, сумма такихъ позаимствованій, постоянно измѣняясь, къ концу 1880 года остановилась на неизмѣнной съ тѣхъ поръ цифрѣ въ 417 милл. руб. Но такъ какъ эта сумма, по принятому въ банкѣ порядку, записывалась долгомъ по текущему счету государственнаго казначейства, то послѣднее должно было постоянно находиться въ безвыходномъ положеніи; всѣ поступающіе на его текущій счетъ доходы поглощались долгомъ его Государственному банку. Для устраненія возникшихъ отсюда затрудненій явилась крайняя необходимость привести означенный долгъ въ какое-нибудь опредѣленное положеніе. Съ этою цѣлью Указомъ 1 января 1881 года было постановлено, уплатить банку немедленно 17 милл. руб. и, затѣмъ, остальную сумму долга въ 400 милл. руб. погашать ежегодными въ теченіе восьми лѣтъ, начиная съ 1881 года, уплатами изъ казны банку въ размѣрѣ 50 милл. руб. въ годъ. Рядомъ съ этимъ, чтобы не ставить банкъ въ необходимость прибѣгать къ временнымъ выпускамъ новыхъ кредитныхъ билетовъ для торговыхъ надобностей, въ Указѣ 1881 года было оговорено, что, по мѣрѣ погашенія долга государственнаго казначейства, банкъ уничтожаетъ,

выпущенные во время войны, кредитные билеты по соображенію съ потребностью въ денежномъ обращеніи. Такимъ образомъ, получая отъ государственнаго казначейства предусмотрѣнныя указомъ ежегодныя уплаты, Государственный банкъ не обязанъ былъ погашать на равную сумму выпущенные во время войны кредитные билеты, а могъ оставлять ихъ, на всякій случай, для торговыхъ надобностей. Приведенная оговорка была включена въ указъ совершенно противъ моего убѣжденія: я находилъ, что важнѣйшимъ условіемъ для упорядоченія нашего денежнаго обращенія являлся отказъ правительства отъ дальнѣйшихъ позаймствованій для нуждъ государственнаго казначейства. Этого условія, по мнѣнію моему, было достаточно, чтобы банкъ не прибѣгалъ къ выпуску излишняго количества кредитныхъ билетовъ. Что же касается собственно торговыхъ надобностей, то долголѣтній опытъ дѣйствительно убѣждалъ, что денежное обращеніе въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ, не можетъ оставаться постоянно въ одной и той же цифрѣ и въ періоды торговаго оживленія Государственный банкъ по необходимости долженъ, во избѣжаніе пріостановки торговыхъ оборотовъ, снабжать рынки денежными знаками. Вотъ почему временный выпускъ кредитныхъ билетовъ въ концѣ 60-хъ и въ первой половинѣ 70-хъ годовъ для торговыхъ надобностей представлялся явленіемъ совершенно нормальнымъ. На основаніи указаній практики, я и полагалъ вполне достаточнымъ предоставить банку производить, подъ залогъ золота или торговыхъ обязательствъ, временные выпуски кредитныхъ билетовъ, начиная съ сентября по февраль, если къ этому представлялась неотложная надобность. Введенная же въ Указъ оговорка о допустимости оставленія въ народномъ обращеніи временно выпущенныхъ, въ періодъ войны, кредитныхъ билетовъ, по моему мнѣнію, сразу подрывала предпринимаемую мѣру, такъ какъ она давала возможность не погашать вовсе выпущенные во время войны кредитные билеты.

Опасенія мои, къ сожалѣнію, оправдались на дѣлѣ. Въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ, истекшихъ со дня изданія вышеупомянутаго Указа, государственное казначейство уплатило Государственному банку наличными деньгами 167 милл. руб. (17 милл. руб. + 50 милл. руб. \times 3), но въ послѣдующіе годы погашеніе долга казначейства производилось процентными обязательствами, которыя банкъ не могъ реализовать. Засимъ, въ послѣднее время правительство перевело изъ оборотной кассы Государственнаго банка въ размѣнный фондъ до 40 милл. руб. золотомъ и вмѣствъ съ тѣмъ соотвѣтственную курсовой цѣнѣ

этого золота сумму кредитныхъ билетовъ (63,7 милл. руб.) перенесло со счета билетовъ временнаго выпуска на счетъ билетовъ постояннаго выпуска, хотя мѣра эта и шла въ разрѣзъ съ кореннымъ закономъ о выпускѣ кредитныхъ билетовъ, обеспечиваемыхъ размѣннымъ фондомъ. Какъ бы то ни было, вслѣдствіе пріостановки уплаты долга казначейства наличными деньгами, изъ общей суммы временнаго выпуска въ 400 милл. руб., банкъ, чрезъ восемь лѣтъ послѣ изданія Указа 1 января 1881 года, погасилъ всего лишь 134 милл. руб., а 266 милл. руб. остались непогашенными. Но оставленіе этой суммы въ кассахъ банка вовсе не оправдывалось какими-нибудь торговыми нуждами. Учетная операція не усилилась до такой степени, чтобы требовать увеличенія количества кредитныхъ знаковъ въ обращеніи на 266 милл. руб. Этой послѣдней суммѣ въ активѣ банковаго баланса соответствовала статья бумагъ, принадлежащихъ Государственному банку. Такимъ образомъ, преслѣдовавшаяся Указомъ 1881 года цѣль сокращенія денежнаго обращенія и, сообразно съ этимъ, поднятія курсовъ не была достигнута; напротивъ того, наши курсы не могли удержаться даже на этой ступени, на которой они находились во время осады Плевны. Очень низкихъ курсовъ во время войны мы не испытывали—они явились гораздо позднѣе. Несмотря на урожай въ 1888 году, курсъ нашъ въ этомъ году представлялъ *minimum* курсовъ, которые когда-либо существовали. Вообще можно сказать, что мѣропріятія по части нашего денежнаго обращенія въ теченіе послѣднихъ лѣтъ вертѣлись постоянно въ неправильномъ кругу и не достигали конечныхъ своихъ результатовъ.

XIV.

Неустройство денежнаго обращенія въ Россіи и причины этого явленія.— Неправильные взгляды въ обществѣ и въ средѣ правительства на значеніе денегъ.— Затруднительность размѣна въ Россіи по номинальной цѣнѣ въ виду массы кредитныхъ билетовъ и незначительности размѣннаго фонда.—Несправедливость этой мѣры въ отношеніи должниковъ послѣ 35-лѣтняго прекращенія размѣна.—Условія для возстановленія металлическаго денежнаго обращенія.—Необходимость одновременно съ размѣномъ дать банку иное устройство, независимое отъ финансоваго управленія.— Мысль Рикардо о передачѣ въ правительственное завѣдываніе Англійскаго банка и заключеніе по этому поводу парламентской комиссіи.— Однородныя предположенія въ Италіи и Германіи.— Взглядъ Екатерины II на подвѣдомственность банковъ.— Необходимость, ранѣе возстановленія денежнаго обращенія, преобразовать Государственный банкъ—Общіе выводы о состояніи денежнаго обращенія въ Россіи.

Итакъ, ни попытка 1862 года, ни дальнѣйшія мѣры не вывели Россію до сего времени изъ колеблющагося денежнаго об-

ращенія. Всѣмъ извѣстно, что, при обязательномъ денежномъ курсѣ, представляется важнымъ не столько тотъ пунктъ, на которомъ стоитъ курсъ кредитнаго рубля, сколько постоянное, неизмѣняемое значеніе денежныхъ знаковъ. Этого-то постоянства въ нашей валютѣ мы до сихъ поръ не достигли. Какъ мы видимъ, курсъ нашъ колебался на 10 и болѣе процентовъ въ теченіе года и притомъ часто даже безъ всякихъ основаній. Въ 1888 году послѣ огромнаго вывоза хлѣба изъ Россіи курсъ нашъ на Берлинъ падалъ до 166 марокъ за 100 руб., теперь же (1890 г.) онъ опять стоитъ на 224 маркахъ. Разница въ цѣнѣ кредитнаго рубля въ теченіе одного года превышала даже 20%, и нельзя поручиться въ томъ, что, несмотря на самыя благопріятныя условія нашей торговли, при первомъ же замѣшательствѣ, даже не зависящемъ отъ Россіи, теперешній курсъ опять не повалится до прежнихъ низкихъ размѣровъ.

Такое печальное положеніе нашей денежной системы коренится въ недостаткѣ у насъ правильныхъ понятій о самыхъ основаніяхъ, на которыхъ должно покоиться денежное обращеніе. Въ Россіи ни взгляды правительства, ни общественное мнѣніе не пришли къ тому ясному и не подлежащему никакому сомнѣнію въ чужихъ странахъ сознанію, что государство не можетъ дѣлать денегъ, что деньгами могутъ служить только тѣ изъ товаровъ, которые имѣютъ вездѣ опредѣленную цѣну, неизмѣняемую отъ времени до времени. Такимъ товаромъ вездѣ признаются металлическія или, говоря въ тѣсномъ смыслѣ, золотыя монеты, всѣ же бумажные кредитные знаки, банковые билеты и т. п. суть только представители этого товара и имѣютъ цѣну постолько, поскольку можно получить за нихъ всѣмъ признаваемый товаръ—золото. У насъ же, напротивъ того, существуетъ понятіе, широко распространенное какъ въ народѣ, такъ и въ правящихъ кругахъ, что бумажныя деньги зависятъ только отъ того значенія, которое придаетъ имъ правительство. Въ Россіи говорятъ: намъ не нужно размѣна, давайте намъ только деньги. Вся коммерческая часть общества, особенно русскаго центра, которымъ считается Москва, постоянно, даже во время самаго сильнаго паденія денежнаго курса, настаивала на увеличеніи количества денежныхъ знаковъ. „Почему правительство церемонится, мы всѣ рады принимать деньги, выпускаемыя нашимъ Царемъ“, говорили тамъ. Неудивительно при такихъ условіяхъ, что всѣ серьезныя мѣры къ возстановленію денежной единицы, къ упроченію монетной системы являлись крайне несимпатичными въ русскомъ народѣ. Въ извѣстныхъ слояхъ общества

сложилось даже убѣжденіе, что паденіе курса кредитнаго рубля приносить извѣстную выгоду. Такъ, при строго покровительственной системѣ нашего таможеннаго тарифа, по которому всѣ пошлины оплачиваются золотомъ, всякое пониженіе курса является усиленнымъ покровительствомъ, усиленнымъ поощреніемъ въ пользу фабрикантовъ. Равнымъ образомъ, всѣ землевладѣльцы и земледѣльцы, помѣщики и крестьяне, продавая свой хлѣбъ иностранцамъ, полагаютъ, что они получаютъ болѣе денегъ въ то время, когда курсъ нашъ ниже. По ариѳметическому разсчету оно выходитъ, какъ будто, дѣйствительно такъ: тамъ, гдѣ иностранцы платили 40 фр. за четверть шеницы, они теперь платятъ тѣ же 40 фр., которые, однако, составляютъ уже не 10 р., а 15 р. Помѣщикъ поэтому считаетъ, что продалъ свой хлѣбъ не за 10 р., а за 15 р., не принимая въ разсчетъ, что эти 15 р. равняются тѣмъ же 40 фр., какъ и тѣ 10 р., которые онъ получалъ ранѣе, при высокомъ курсѣ. Словомъ, смѣшеніе въ этомъ отношеніи понятія дошло до того, что и сами лица, управляющія финансовыми дѣлами, опасаются повышенія денежнаго курса. Безспорно, быстрое измѣненіе денежнаго курса не желательно, но видѣть въ его повышеніи какую-то потерю для страны—это болѣе чѣмъ странно.

При такомъ—совершенно ложномъ—вглядѣ на денежное обращеніе и существо самихъ денегъ, понятно, что и самыя нормальныя мѣры, которыя были въ этой области намѣчаемы, не могли привести ни къ какому результату. Указъ 1881 года, какъ мы видѣли, остался на половину мертвою буквою, и до сихъ поръ у насъ находится въ обращеніи временно выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ на сумму въ 266 милл. руб. Объ уничтоженіи ихъ не заботятся въ силу того мнѣнія, что деньги эти нисколько не мѣшаютъ благоденствію Россіи. Напротивъ того, всѣ мѣры къ изъятію этихъ денегъ изъ обращенія,—мѣры, сопряженныя съ заключеніемъ займовъ, въ виду затруднительности разсчитывать, чтобы правительство накопило изъ своихъ доходовъ необходимый на погашеніе временно выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ излишекъ—кажутся напрасными. Нерѣдко приходится слышать: „къ чему погашать долгъ правительства Государственному банку; развѣ банкъ не то же правительство“. Даже профессора съ кафедръ говорятъ у насъ: „какой смыслъ дѣлать займы для уплаты долга Государственному банку. Этотъ долгъ не требуетъ уплаты процентовъ, за чѣмъ же замѣнять его, путемъ займовъ, процентнымъ долгомъ“. Лица, такъ разсуждающія, очевидно забываютъ, что вслѣдствіе

разстроеннаго неумѣренными выпусками кредитныхъ билетовъ денежнаго обращенія, мы ежегодно видимъ въ нашемъ бюджетѣ такія расходныя статьи, которыя не имѣли бы мѣста при нормальныхъ условіяхъ, а именно на приплату курсовой разницы по заграничнымъ платежамъ. Эти расходы на лажъ превышаютъ ежегодно 40—50 милл. руб.

При указанномъ положеніи дѣлъ курсъ кредитнаго рубля, несмотря на самыя благопріятныя экономическія и торговныя условія, несмотря на возвышеніе нашего кредита за границей, вызваннаго, впрочемъ, не столько нашими усиліями, сколько скопленіемъ капиталовъ на иностранныхъ рынкахъ—не превышаетъ до сего времени 67 коп. Съ другой стороны, денежное кредитное обращеніе не выходитъ изъ суммы 1.046 милл. руб., признаваемой чрезмѣрною по сравненію съ потребностями. Эта сумма при сопоставленіи ея съ наличностью звонкой монеты, хранящейся въ размѣнномъ фондѣ, все-таки составляетъ долгъ въ суммѣ до 568,5 милл. руб.—по кредитнымъ билетамъ кореннаго выпуска и въ суммѣ 266 милл. руб. по кредитнымъ билетамъ временнаго выпуска, также не обеспеченнымъ соответствующими отчуждаемыми цѣнностями. Въ этихъ обстоятельствахъ естественно нельзя и думать о восстановленіи размѣна, тѣмъ болѣе, что, съ прекращеніемъ его въ продолженіе столь долгаго времени, въ самомъ народѣ уже не находится никакихъ звонкихъ монетъ, кромѣ мелкихъ серебряныхъ. Немедленное осуществленіе размѣна кредитныхъ билетовъ за счетъ фонда не выполнило бы задачи введенія металлическаго денежнаго обращенія въ предѣлахъ всей Россіи и выпущенное въ обращеніе золото было только вывезено за границу. При пониженіи курса металлическое денежное обращеніе не могло бы имѣть уже мѣста, такъ какъ государственное казначейство принимаетъ звонкую монету въ платежи не по той цѣнѣ, которая существуетъ на биржѣ, а по нарицательной ея стоимости.

Итакъ, размѣнъ въ настоящее время не только представляется неправдоподобнымъ по состоянію средствъ размѣннаго фонда, но и не достигъ бы своей основной цѣли—восстановленія денежнаго обращенія въ Россіи. Кромѣ того, восстановленіе денежнаго обращенія, при настоящемъ курсѣ кредитнаго рубля, явилось бы новою несправедливостью, новымъ налогомъ, но налогомъ обратнымъ. Выпускъ кредитныхъ билетовъ, уронивъ цѣнность рубля, облегчилъ всѣхъ должниковъ, но обременилъ всѣхъ кредиторовъ, начиная съ лицъ, получающихъ содержаніе, ибо съ паденіемъ курса возвысились цѣны на всѣ предметы, даже

на предметы первой необходимости. Естественно, поэтому, что положеніе вещей представляется нынѣ въ нѣсколько другомъ видѣ, чѣмъ въ 1862—1863 годахъ: тогда для возстановленія цѣнности кредитнаго рубля оставалось покрыть всего 12⁰/₀ лажа, теперь этотъ лажъ составляетъ уже 33⁰/₀. Если бы даже и нашлись средства обмѣнять всѣ кредитные билеты на звонкую монету по нормальному курсу 4 франковъ за рубль, то, послѣ сорокалѣтняго прекращенія размѣна, безспорно нажились бы одни только кредиторы, а дебиторы пострадали бы. Поэтому, во всѣхъ странахъ, гдѣ прибѣгли къ одному изъ самыхъ опаснѣйшихъ средствъ удовлетворенія чрезвычайныхъ государственныхъ потребностей — къ выпуску бумажныхъ денежныхъ знаковъ, возстановленіе металлическаго обращенія оказывалось возможнымъ только по истеченіи сравнительно короткаго періода со времени принятія этого способа. Такъ, на примѣръ, въ Англіи принудительный курсъ банковыхъ билетовъ существовалъ всего 18 лѣтъ, послѣ чего Англійскій банкъ открылъ размѣнъ ихъ и возстановилъ металлическое обращеніе. То же самое мы видимъ и въ Америкѣ: государство тотчасъ же по окончаніи войны приняло самыя энергичныя мѣры къ погашенію своего долга и въ короткое сравнительно время возстановило денежное обращеніе на металлическомъ основаніи. Наконецъ, послѣдній примѣръ даетъ намъ Италія, гдѣ принудительный курсъ оставался тоже не долѣе 17 лѣтъ. Прекращеніе размѣна, объявленное въ силу особаго закона въ 1866 году, было снова возстановлено въ 1883 году. Что касается Австріи и Россіи, гдѣ, собственно говоря, никогда не было свободнаго и правильнаго размѣна и гдѣ прошло уже нѣсколько десятковъ лѣтъ принудительнаго денежнаго обращенія, мы не видимъ и врядъ ли можемъ увидать окончаніе этого періода. Въ Австро-Венгріи тѣмъ не менѣе бумажное денежное обращеніе теряетъ противъ металлическаго всего лишь отъ 12 до 14⁰/₀, а въ послѣднее время даже менѣе. При сравнительной ограниченности размѣровъ бумажнаго денежнаго обращенія въ Австріи, при болѣе развитыхъ торговыхъ сношеніяхъ ея съ другими державами, есть надежда на возстановленіе въ этой странѣ металлическаго обращенія, при чемъ въ настоящее время уже составленъ соотвѣтствующій проектъ. Что же касается Россіи, то, послѣ слишкомъ тридцати-пяти-лѣтней пріостановки размѣна кредитныхъ билетовъ, врядъ ли можно ожидать быстрого возстановленія у насъ прочнаго денежнаго обращенія. Въ томъ положеніи, въ какомъ мы находимся въ настоящее время, можно сказать

съ увѣренностью, что, при первомъ же политическомъ замѣшателствѣ, для Россіи не останется другого финансоваго способа, какъ вновь прибѣгнуть къ выпуску кредитныхъ билетовъ.

Весьма серьезнымъ препятствіемъ къ устройству денежнаго обращенія на правильныхъ основаніяхъ является недостаточная самостоятельность нашего центрального эмиссионнаго кредитнаго учрежденія — Государственнаго банка. Исторія финансовъ другихъ государствъ учитъ, что если чрезвычайные выпуски банковыхъ билетовъ съ пріостановкою размѣна ихъ и служатъ крайнимъ средствомъ въ минуту острой государственной нужды, какъ было, на примѣръ, въ началѣ 70-хъ годовъ во Франціи, то вездѣ, гдѣ денежное обращеніе могло быть возстановлено въ скоромъ времени по прекращеніи войны или затруднительнаго финансоваго положенія, билеты эти выпускались банковыми учрежденіями, а не самимъ правительствомъ, которое становилось, такъ сказать, должникомъ банка, отнюдь не прибѣгая къ самостоятельному выпуску бумажныхъ денегъ. Правильное отношеніе государства къ частнымъ банкамъ побуждало правительство принимать мѣры къ скорѣйшей уплатѣ своихъ долговъ центральнымъ банкамъ по соображеніямъ чисто государственнаго порядка, вытекавшимъ изъ интересовъ народнаго хозяйства, и понятно вовсе не изъ покровительства личнымъ интересамъ учредителей или акціонеровъ банка. Такъ, во Франціи, гдѣ во время войны выпущено было билетовъ для покрытія позаимствованій государственнаго казначейства на сумму до двухъ милліардовъ четырехсотъ милліоновъ франковъ, весь этотъ долгъ былъ тотчасъ же по окончаніи войны разсроченъ на восемь лѣтъ, при чемъ само правительство признало государственно полезнымъ дѣломъ предупредить срокъ уплаты задолженныхъ суммъ, и погасить ихъ въ первые же четыре года для того, чтобы привести разстроенное денежное обращеніе въ порядокъ и нормальное положеніе. Напротивъ того, тамъ, гдѣ правительство само выпускало билеты или банкъ находился въ распоряженіи правительства, я не знаю почти ни одного примѣра возстановленія разъ нарушеннаго денежнаго обращенія. И это совершенно понятно: безпроцентный долгъ правительства по выпущеннымъ имъ для своихъ надобностей кредитнымъ билетамъ является, по русскому выраженію, долгомъ самому себѣ, а потому нѣтъ надобности и выплачивать такой долгъ путемъ заключенія процентныхъ займовъ или другихъ какихъ-нибудь жертвъ. Подобный взглядъ знаменуетъ собою одно изъ самыхъ грубыхъ отношеній къ совершенію займовъ.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что мысль объ устройствѣ казенныхъ центральныхъ банковъ или банковъ въ рукахъ правительства существовала и между учеными и между практиками. Въ Англии въ запискѣ покойнаго экономиста Рикардо былъ найденъ проектъ, предлагавшій, чтобы англійское правительство взяло въ свои руки завѣдываніе Англійскимъ банкомъ, взаимѣнъ частной компаніи, которая ведетъ и понынѣ это дѣло. Въ извѣстномъ отношеніи не могло, конечно, не казаться привлекательнымъ предоставить правительству располагать громадными капиталами банка, пускать ихъ въ торговые обороты и пользоваться процентами для государственныхъ надобностей, избѣгая посредничества частныхъ торговыхъ учрежденій, извлекающихъ такимъ путемъ значительные барыши. Проектъ Рикардо былъ разсмотрѣнъ въ особой парламентской комиссіи, состоявшей изъ первѣйшихъ банкировъ, и комиссія пришла къ одноположному заключенію, что нѣтъ ничего опаснѣе, ничего вреднѣе для государственныхъ интересовъ, какъ передача банка въ руки правительства. Между прочими своими соображеніями, комиссія указывала, что какъ бы ни было морально правительство въ своихъ намѣреніяхъ, никогда оно не впуститъ публикѣ убѣжденія, что, въ случаѣ затрудненія, оно не употребитъ во зло право выпуска кредитныхъ билетовъ, тогда какъ всякое частное учрежденіе, будучи принуждено къ размѣну силою закона, потерю капитала и разстройствомъ всего денежнаго рынка, никогда не рѣшится, при извѣстныхъ условіяхъ надзора со стороны правительства, прибѣгнуть къ нарушенію закона о выпускѣ билетовъ. Въ случаѣ, если бы силою обстоятельствъ частный центральный банкъ вынужденъ былъ подъ вліяніемъ правительства сдѣлать выпускъ своихъ билетовъ съ присвоеніемъ имъ обязательнаго курса, то правительство всегда разсчитается съ частнымъ учрежденіемъ гораздо скорѣе и правильнѣе, нежели погаситъ свой собственный долгъ. Поэтому мысль Рикардо была совершенно отвергнута англійскимъ парламентомъ.

Въ Италіи, во время принудительнаго курса, тоже возникла идея относительно созданія правительственнаго центрального банка, но парламентъ, несмотря на все, постоянно отвергалъ ее, находя, что осуществленіе подобнаго предположенія являлось бы однимъ изъ опаснѣйшихъ средствъ для правительства и лучшимъ способомъ разрушить довѣріе въ народѣ къ обязательнымъ денежнымъ знакамъ.

Въ Германіи, послѣ политическаго ея объединенія, признано

было необходимымъ приступить къ реформѣ кредитныхъ учрежденій и къ замѣнѣ частныхъ банковъ, существовавшихъ въ разныхъ королевствахъ и пользовавшихся правомъ выпуска своихъ билетовъ, центральнымъ банковымъ учрежденіемъ. Это послѣднее было создано въ видѣ Reichsbank'a, подчиненнаго надзору правительства, но дѣйствующаго въ качествѣ частнаго акціонернаго предпріятія. Капиталъ банка составленъ не изъ однихъ правительственныхъ средствъ, но и изъ взносовъ частныхъ акціонеровъ. Германское правительство приняло, такимъ образомъ, участіе въ созданіи банка и наблюдаетъ за его дѣятельностью, но не сдѣлало его своимъ финансовымъ учрежденіемъ. Недавно возникъ вопросъ о передачѣ имперскаго банка въ полное завѣдываніе казны, но мѣра эта была отвергнута.

Замѣчательнымъ намекомъ въ нашей исторіи на цѣлесообразность обособленія банковъ отъ государственнаго казначейства является указаніе по этому предмету въ наказѣ Императрицы Екатерины II. Она говорила, что въ государствѣ самодержавномъ гораздо лучше устроить банкъ въ вѣдѣніи какого-нибудь благотворительнаго или учебнаго заведенія, дабы народъ и публика понимали, что средства, довѣряемыя этому банку, не будутъ обращаемы на другіе расходы, кромѣ тѣхъ, которые предоставлено производить ему уставомъ. Къ сожалѣнію, несмотря на приведенный взглядъ просвѣщенной Императрицы, мы видимъ, что и въ настоящее время изъ числа государствъ, признаваемыхъ образованными, только въ Россіи существуетъ чисто государственный или правительственный банкъ.

Какъ было уже мною сказано раньше, при разработкѣ предположеній о преобразованіи коммерческаго банка, выдвигалась мысль, что учреждаемый вмѣсто него Государственный банкъ, ради пользы всего государства, долженъ быть построенъ на акціонерныхъ началахъ и совершенно отдѣленъ отъ государственнаго казначейства. Однако, мысль эта, имѣвшая въ виду предоставить регулированіе денежнаго обращенія въ государствѣ частному учрежденію, казалась тогда многимъ даже антимонархической; въ подобнаго рода учрежденіи видѣли ограниченіе Верховной власти Монарха. Такое совершенно ложное убѣжденіе, отвергая всякую возможность устройства акціонернаго общественнаго банка, въ то же время воспрепятствовало созданію хотя бы и правительственнаго банка, но на вполнѣ независимыхъ отъ финансоваго управленія началахъ. Вся исторія Государственнаго банка показываетъ съ очевидностью, что тамъ, гдѣ карманъ государственнаго казначейства не былъ

отдѣленъ отъ кармановъ частныхъ кліентовъ банка, тамъ всегда нужды государственнаго казначейства имѣли преимущество надъ нуждами торговли и промышленности. Правда, въ уставѣ банка намѣчено было нѣкоторое отдѣленіе его операций отъ чисто казеннаго финансоваго управленія. Такъ, согласно уставу, казначейство не можетъ дѣлать позаимствованій изъ банка на свои расходы. Признаніе этого положенія въ Россіи представляло значительный шагъ впередъ, но тѣмъ не менѣе фактическое оставленіе банка въ рукахъ министерства финансовъ доказало несбыточность самыхъ благихъ намѣреній. Результаты дѣятельности Государственнаго банка за все время его существованія были—можно сказать—благопріятныя. Ни въ одномъ изъ старѣйшихъ государствъ не было такого сильнаго развитія кредита, какое мы встрѣчаемъ въ Россіи съ 1860 года. При самомъ устройствѣ банка, какъ бы въ знакъ отдѣленія его отъ государственнаго казначейства, назначено было обращать всѣ прибыли банка не въ ресурсы государственнаго казначейства, а на погашеніе долга послѣдняго банку; правительство, такъ сказать, имѣло въ виду разсчитаться съ банкомъ по мѣрѣ развитія его операций. вмѣстѣ съ тѣмъ, на банкъ, какъ извѣстно, возложена была ликвидація всѣхъ счетовъ бывшихъ кредитныхъ установленій при одновременномъ веденіи собственныхъ операций для развитія торговли и промышленности. Но что же мы видимъ въ дѣйствительности? Не прошло и тридцати лѣтъ, какъ мало по малу, всѣ особенности учрежденія Государственнаго банка начали ступшевываться силою вещей. Прибыли Государственнаго банка стали поступать въ ресурсы государственнаго казначейства и сдѣлались однимъ изъ прямыхъ источниковъ ежегодныхъ государственныхъ доходовъ, такъ что функціи банка исполняетъ въ сущности не независимое кредитное учрежденіе, хотя бы и правительственное, а государственное казначейство. Затѣмъ, ликвидація бывшихъ кредитныхъ установленій, которая могла бы въ близкомъ будущемъ давать въ распоряженіе банка крупныя свободныя средства для усиленія коммерческихъ его операций, передана была, до своего окончанія, государственному казначейству.

Во всякомъ случаѣ, серьезнымъ мѣропріятіемъ по введенію у насъ металлическаго денежнаго обращенія должно предшествовать коренное переустройство нашего Государственнаго банка. Нынѣшнее его положеніе не даетъ твердой увѣренности, что курсъ нашихъ денегъ останется на неизмѣнной высотѣ, а при отсутствіи такой увѣренности трудно, конечно, разсчитывать на

прочное водвореніе металла въ денежномъ обращеніи: никто не будетъ расплачиваться полуимперіаломъ, зная, что завтра за него можно получить 7 р. 30 к.; всякій предпочтетъ держать его у себя въ карманѣ.

Обращаясь, въ заключеніе, къ общимъ выводамъ относительно настоящаго состоянія нашего денежнаго обращенія и мѣропріятій къ его упорядоченію, я, прежде всего, долженъ самымъ рѣшительнымъ образомъ подчеркнуть, что всѣ колебанія курса нашего рубля, постоянное измѣненіе въ цѣнѣ, непрочность той единицы, которая считается общимъ платежнымъ измѣрителемъ, влекутъ за собою постепенно увеличивающееся и препятствующее всякому правильному развитію торговли и промышленности зло. При измѣняющихся курсахъ не можетъ быть правильной торговли, не можетъ быть правильнаго расчета, нельзя заранѣе учесть съ необходимою точностью, что стоитъ такой-то товаръ, за что можно его продать, а подобная неопредѣленность придаетъ всякой торговой сдѣлкѣ спекулятивный характеръ. Правда, указанное мною зло отъ курсовыхъ колебаній не бросается рѣзко въ глаза, а потому многіе, хотя и сознаютъ его существованіе, но успокаиваютъ себя тѣмъ, что для внутренняго обращенія курсъ не имѣетъ значенія, что во внутреннихъ оборотахъ мы, по-прежнему, платимъ кредитными билетами, а биржѣ, какъ спекулятору, до курса нѣтъ дѣла. Между тѣмъ, при внимательномъ разсмотрѣніи бюджета, мы увидимъ, сколько приплачиваетъ государство на курсѣ. А какой ущербъ несутъ, кромѣ того, частныя лица въ расчетахъ по покупокъ-продажѣ иностранныхъ товаровъ, по заграничнымъ поѣздкамъ и т. п.? Всѣ эти потери безспорно превосходятъ возможные пожертвованія на какіе-либо займы, нужные для возстановленія курсовъ. Но, независимо отъ сказаннаго, продолжающійся столь долгое время непорядокъ въ денежномъ обращеніи производитъ еще другого рода зло,—а именно невозможность возстановленія паритетной стоимости кредитной единицы. Единственная мѣра, которая можетъ казаться желательной у насъ при настоящихъ условіяхъ, заключается въ упроченіи какого бы то ни было курса, но достиженіе этой цѣли невозможно безъ девальваціи и поддержки результатовъ послѣдней на будущее время. Въ 1843 году мы прошли уже девальвацію $3\frac{1}{2}$ руб. асс. за металл. рубль, и что же, представляющій этотъ рубль кредитный билетъ равняется вновь 67 коп. при самомъ лучшемъ состояніи настоящаго времени.

Безспорно, упроченіе курса рубля съ производствомъ деваль-

ваціи, т.-е. уменьшенія цѣнности его до 67 коп. требуетъ тоже весьма серьезныхъ мѣръ; недостаточно обмѣливать существующіе кредитные билеты по 67 коп. за рубль, надо вселить довѣріе, что всѣ новые рубли будутъ стоить постоянно 67 коп. А это невозможно безъ устройства банка вполне независимаго, совершенно отдѣленнаго отъ казеннаго управленія.

Но, сверхъ того, возстановленіе металлическаго денежнаго обращенія потребуеъ значительнаго усиленія средствъ размѣннаго фонда. Какъ мы видѣли, прежній долгъ казначейства по кредитнымъ билетамъ, не говоря уже о временныхъ билетахъ, которые могли бы быть погашены путемъ продажи переданныхъ банку цѣнностей, требовалъ для полнаго своего обезпеченія свыше 560 милл. руб. золотомъ. Хотя при девальваціи сумма эта и должна нѣсколько понизиться, но все же необходимый для производства размѣна заемъ достигнетъ нѣсколькихъ сотъ милліоновъ рублей и безспорно превыситъ средства какъ государственнаго кредита, такъ и международнаго рынка. Не слѣдуетъ забывать, что заключеніе большинства нашихъ займовъ сопровождалось условіемъ держать предоставленныя намъ деньги за границею. Поэтому, если бы иностранные денежные рынки согласились снабдить насъ золотомъ на соотвѣтствующую сумму,— что при нынѣшнемъ процвѣтаніи государственнаго кредита является, можетъ быть, и сбыточнымъ,—то, во всякомъ случаѣ, такой заемъ былъ бы совершенно неисполнимымъ при условіи привоза этой суммы въ предѣлы Россіи. Правда, всѣ огромные займы послѣднихъ лѣтъ или такъ называемыя конверсіи, пожалуй, превышали потребныя бѣны для возстановленія размѣнна средства; однако, займы эти сводились, главнымъ образомъ, къ обмѣну однѣхъ бумагъ на другія, а не къ передачѣ столь значительнаго металлическаго фонда въ распоряженіе русскаго правительства. Я полагаю, что заемъ въ нѣсколько сотъ милліоновъ рублей золотомъ былъ бы неосуществимъ, ни разомъ, ни постепенно; не дадутъ даже 100 милл. руб. золотомъ. Въ подтвержденіе правильности этого мнѣнія можно припомнить затрудненія, которыя встрѣтило итальянское правительство при заключеніи послѣдняго займа, въ размѣрѣ 634 милл. фр. или 174 милл. руб. Даже эту сумму оказалось возможнымъ доставить только въ теченіе двухъ лѣтъ и то не цѣликомъ въ золотѣ, а частью серебромъ, частью золотомъ. При нынѣшнемъ положеніи запасовъ золота за границею, нельзя вообще рассчитывать на перемѣщеніе крупнаго золотого капитала. Но если даже допустить возможность привоза нами въ Россію пріобрѣтенной цу-

темъ займа суммы отчасти въ золотой монетѣ, отчасти въ серебряной, то, при той разницѣ, которая существуетъ между цѣнностью обоихъ металловъ, безспорно, и этотъ заемъ не достигъ бы предлагаемой цѣли. Въ виду этого у насъ высказывается иногда предположеніе, что, такъ какъ въ Россіи единицею считается серебряный рубль, то возстановленіе размѣна возможно было бы достигнуть путемъ приобрѣтенія значительной массы серебра, которое достать легче съ европейскихъ денежныхъ рынковъ, чѣмъ золото. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ настоящее время кредитные билеты можно было бы сдѣлать размѣнными на серебряную монету, но построенное на такихъ основаніяхъ денежное обращеніе было бы не болѣе какъ своего рода девальвація кредитнаго рубля на серебряныя деньги или на такой товаръ, который все же не можетъ служить международной торговою единицею. Серебро точно также обращалось бы у насъ по 67 коп. зол. за рубль, какъ и кредитные билеты, такъ что вся реформа заключалась бы только въ замѣнѣ бумажекъ неудобною для обращенія монетою. Затѣмъ, если бы пришлось сдѣлать подобнаго рода девальвацію, представляющую преимущества предъ девальваціею на новые бумажные знаки, то необходимо было бы во всякомъ случаѣ озаботиться соответствующимъ денежнымъ устройствомъ. А такъ какъ всякое денежное устройство предполагаетъ выпускъ кредитныхъ билетовъ, то и эта реформа окажется плодотворною лишь при переустройствѣ Государственнаго банка, съ обезпеченіемъ ему независимости отъ финансоваго управленія.

Сообщ. дочь В. И. Ламанскаго, А. фонъ-Таль.

